

СЮЗАННА
ФОРСТЕР

ЛОРИ
ФОСТЕР

КИМБЕРЛИ
РЭНДЕЛЛ

МАТТИ
ШИНН

Траутман

Сюзанна Форстер

Неприступная Эммелина

Форстер С.

Неприступная Эммелина / С. Форстер —

Самые жаркие ваши фантазии станут явью... Самые тайные ваши мечты воплотятся в жизнь... Перед вами четыре повести, написанные мастерами современного любовного романа. Четыре истории любви – и страсти, чувства – и чувственности, радости – и наслаждения. Вы полагаете, что наши дни лишены романтики? Значит, вы еще не читали эту замечательную книгу!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сюзанна Форстер

Неприступная Эммелина

Глава 1

Джефф Уэстон стянул с бедер шорты, уронил их на пол и, переступив через них, уверенный и гордый в своей неотразимости, прошел по куче зеленых махровых полотенец. Росту в нем было больше шести футов, и к своим сорока годам он сохранил изумительную атлетическую фигуру: развитые плечи были ровно вдвое шире узких бедер. И все у него было что надо, он видел свое отражение в зеркалах, тянувшихся вдоль стен раздевалки Морского спортивного клуба со всех сторон.

При виде Джеффа никому бы и в голову не пришло, что ему чертовски больно. Он подвернул колено, ударился плечом и получил болезненный удар мячиком по бедру. И все же острая боль была совсем небольшой платой. Ведь Джефф Уэстон трижды обошел на корте своего приятеля-соперника Макса Галлахера со счетом 14:7, 18:3 и 21:0. Жизнь прекрасна!

Джефф подобрал с пола полотенце, обвязал его вокруг бедер и, забыв про больное плечо, толкнул им дверь. Резкая боль тут же пронзила его тело.

– Черт возьми! – сморщившись, выдохнул Джефф.

Влажный, поистине тропический жар стеной надвинулся на него, когда он вошел в лабиринт парной спортивного клуба. Пар был таким густым, что Джефф не видел собственных коленей. Ухватившись за выложенную кафелем стену, Джефф осторожно двинулся вперед, несколько раз наступив при этом на чьи-то голые ноги и, кажется, прикоснувшись к тому, чего трогать не следовало. Наконец ему удалось найти свободную, чуть в стороне от других, нишу.

Уэстон снял с себя полотенце, разложил его на скамье и растянулся на нем, сложив на груди руки. «Отдых война», – мелькнуло у него в голове. Собственно, так все и должно быть – мужчина в своей пещере отдыхает после битвы. Ничто и никто, кроме женщины, не мешает ему вновь набраться сил и достичь своей цели. Или...

– Забрался сюда, чтобы зализать раны, Уэстон?

Кроме женщины или чертовых друзей! Если Джефф не бредит от боли, то, без сомнения, он слышит голос Макса Галлахера. Он мог бы и догадаться, что Макс найдет его здесь в таком состоянии – совершенно измученного и испытывающего срочную нужду в помощи травматолога. Они стали яростными противниками еще в колледже и с тех самых пор постоянно соперничали.

И вот опять Макс на высоте. Они поспорили о том, сможет или нет Макс найти себе подходящую жену сорока лет, и Джефф почувствовал, что запахло жареным. Макс был финансовым гением. Этот парень мог делать деньги во сне, но вот с женщинами он был полным профаном. Собственно говоря, выяснилось, что они оба оказались в этом положении в отношении Эбигайл Гастингс, застенчивой и преданной секретарши Макса. Макс совершил ошибку, попросив маленькую и робкую Эбби найти ему жену. Не успел он и глазом моргнуть, как она соблазнила его с помощью стриптиза, одурманила любовным напитком и прибрала в собственные руки.

С тех пор Макс был сам не свой. Отлично!

Если не считать того, что чертов приз по-прежнему у него.

– Я играл с мозолями на руках, – пожаловался Макс.

– Ну да, а я – с закрытыми глазами, – буркнул Джефф.

– Попробуй не открывать их на скоростном шоссе, а потом расскажешь мне, как все прошло.

– Прими поражение с достоинством и отвали от меня!

Но тут Джефф услышал, как зашуршало полотенце, – видно, Макс решил встать. Его приятель всхлипнул от боли, и Уэстон улыбнулся. Жизнь по-прежнему хороша. Он закрыл глаза и вновь попытался сосредоточиться на «отдыхе воина», но Макс грубо нарушил его:

– Расскажи мне об этой женщине.

– О какой женщине? – переспросил Уэстон. В жизни у него было много женщин: Гретхен, бывшая участница шоу, его нынешняя ассистентка, которую он нанял из-за ее острого ума, хотя никто в это не верил; Памела, супермодель; Глория, архитектор. Он встречался с обеими. Еще была его мать Беверли, которая в это время года обычно находилась в Швейцарии или в какой-нибудь клинике по омоложению. Ну и, разумеется, его двоюродная бабушка Хилари, самая острая на язык старая птичка, какую он когда-либо знал, и единственная, кто был бы способен ощутимо хлопнуть по его сорокалетней, но все еще крепкой заднице. Увы, недавно ее подкосила тяжелая болезнь, и Джефф не мог представить себе, что Хилари не стало.

Уэстону оказалось нелегко сделать следующий вдох. Было больно. И дело вовсе не в жаре парной и не в ушибленном плече. Джеффу не нравилось думать о том, что произошло с единственным, пожалуй, человеком, которого он уважал. Он сделал немало хорошего в холдинговой компании «Эдван дайверсифайд», принадлежавшей тетушке Хилари, с тех пор как несколько лет назад вошел в дело. Правда, сама Хилари едва ли одобрила бы его тактику.

Если у Макса был инстинкт в области капиталовложений, то у Джеффа – инстинкт в области брокерских сделок. Ради этого он жил и набирался точных знаний о том, когда выходить на промысел за добычей. «Эдван» стремительно развивалась и была теперь большой холдинговой компанией, стоимость которой оценивали больше чем в миллиард долларов. Но Уэстон с радостью бросил бы ее ради того, чтобы тетушка снова постоянно пилила его за «надувательство», как она любила выражаться.

– О той женщине, – выразительно проговорил Макс. – Подумай.

– Черт! – Джефф резко поднялся с лежанки и ухватился руками за голову. Все это слишком для «отдыха воина». У него было такое чувство, словно его ударили кулаком промеж глаз.

– Что-то не так? – невинным тоном осведомился Макс.

– У меня головные боли, – отозвался Уэстон. – И ничего не помогает.

– У тебя начинается мигрень при одном лишь упоминании об этой женщине?

– Никакая это не мигрень! У мужчин вообще не бывает мигреней, – огрызнулся Джефф. – Во всяком случае, к ней-то они отношения не имеют. – И вдруг он понял, что ему удалось секунды на две изгнать из головы Эммелину Прайс.

– Наконец-то сладил с Неподдающимся Объектом, Джефф?

– Отвяжись! – прорычал Уэстон, надеясь, что вырвавшийся из его груди звук напоминает злобный рык питбуля. Если бы его голова не разрывалась от боли, он бы непременно проучил мерзавца Макса Галлахера.

– Я еще не занимался этим, – заметил Джефф. – А когда соберусь, она узнает об этом сразу, можешь мне поверить. И ей еще с месяц после этого придется суетиться.

До сих пор Уэстон позволял своим людям держать контроль над ситуацией. За это он платил им хорошие деньги. Но похоже, сейчас ему самому необходимо взяться за дело, и это вовсе не радовало Джеффа.

Макс довольно ухмыльнулся. Ему явно было по душе, что какая-то там зеленая, как капуста, лавочница из Портленда, штат Орегон, взяла его приятеля за рога. «Может, – подумалось Макс, – все дело в карме или еще в чем-либо подобном, раз Джеффу так везет с женщинами?»

– Я слышал, ты только силы НАТО не подключил к тому, чтобы оказать на нее давление, – проговорил он. – И еще до меня доходили слухи, что все твои эмиссары не справились с задачей и что даже юристы не могут сдвинуть ее. Хочешь совет, Джеффстер? Брось ты это дело! У тебя ничего не выйдет.

– А ты, случайно, не слышал, что эта женщина сумасшедшая? – Джефф обмотался полотенцем и завязал его сбоку на узел. – Она выпустила информационный бюллетень под названием «Манифест скромности», – сообщил он Макс, – и еще намеревается говорить о старомодных добродетелях по радио. Господи, она пытается бороться с сексом! И мечтает возродить викторианскую мораль!

Вся эта тирада была вызвана тем, что Эммелина Прайс занимала клочок земли, который Джефф пообещал освободить заинтересованным в этой территории промышленникам. Эммелина Прайс держала маленький магазинчик подарков под названием «Прайслесс»¹ и настаивала не только на том, чтобы сохранить название места, но и на том, чтобы оно было официально передано ее бабушке тетушкой Хилари и является ее собственностью.

Юристы Джеффа Уэстона нанесли ей визит, просмотрели документы и сообщили, что все это, с их точки зрения, бессмысленно. Они также предупредили, что хозяйке магазина могут грозить неприятности из-за несоблюдения каких-то местных законов, иными словами, оказали на нее давление. В ответ она вежливо приглашала их выпить чаю, а затем так же вежливо выпроваживала. Таким образом, каждая группа юристов, которых Джефф подсылал к Эммелине, возвращалась, опившись чаю и объевшись печенья, но с пустыми руками.

Ничто не действовало на эту женщину! Но Джефф не терял надежды справиться с сопротивлением. Поскольку Уэстон все равно являлся хозяином земли до тех пор, пока спор вокруг названия не завершен, он мог повысить цену или поднять по тревоге людей, занимающихся составлением жилищных кодексов. Или, еще лучше, работников санитарно-эпидемиологической службы. Может, она продавала продукты, не имея лицензии? Впрочем, у Джеффа были еще кое-какие планы относительно мисс Прайс, которая еще не испытала на себе действия знаменитых чар Уэстона. Да-да, у него были на нее виды.

– Да я в один миг выставлю ее, – пробормотал он. Господи, он даже говорить нормально не может!

– Хочешь пари? – предложил Макс.

– Сколько? – спросил он.

– Если тебе удастся сдвинуть Неподвижный Объект... м-м-м... скажем, до конца месяца, я мирно верну тебе приз. Сделаю «мостик» и преподнесу его тебе в зубах.

– Дело верное, – пообещал Уэстон. – Я сумею с ней сладить до конца месяца. И, кто знает, может быть, мне удастся выбить из ее головы всю эту викторианскую чепуху.

Где-то в парилке во влажном воздухе раздался звонок телефона, и Джефф, вздрогнув, опустил руку вниз, словно там у него был карман, Увы, его пальцы нащупали лишь полотенце. Вся его жизнь состояла из непрерывных телефонных звонков, разбора вороха документов и электронной почты. Джеффу никогда и в голову не приходило принести в парилку сотовый телефон, но кто-то, видно, умудрился найти способ укрепить его на голой заднице. Он непременно выяснит эту любопытную деталь.

¹ Игра слов: price – по-английски «цена», priceless – «бесценный». – Здесь и далее примеч. пер.

Глава 2

Джефф Уэстон во взятом напрокат «феррари-тестаросса» подкатил к большому зданию в викторианском стиле и пригнулся к рулю, чтобы разглядеть номер дома. Мотор недовольно заворчал, возможно, протестуя против его присутствия, но Джеффа волновало не это. Он ничего не видел за пышными формами роскошной блондинки, сидевшей рядом.

– Гретхен, вдохни поглубже и задержи дыхание на минутку, хорошо?

Красотка была его помощницей. Сейчас она составляла для Джеффа проспект, связанный с проектом, над которым он работал.

– Вам сюда, – пробормотала Гретхен, не поднимая глаз от экрана переносного компьютера с длинными рядами цифр.

– Откуда ты знаешь? – Джефф не был итальянцем, но ему хотелось поцеловать руки Гретхен за ее удивительную расторопность. Похоже, в голове у этой женщины вместо мозгов находился чип от самого современного компьютера.

– Я видела номер на бордюрном камне, когда мы проезжали мимо.

Наконец-то он понял! Она не была обычным человеком. Наверное, каждая прядь ее светлых кудряшек – это антенна, нацеленная в космос. А ночи наверняка она проводила в библиотеках, освежая в голове содержание энциклопедий.

Улыбнувшись, Джефф Уэстон заглушил мотор и оставил свою замечательную и безрасудную помощницу наедине с ее расчетами. Он даже и мечтать не смел об интрижке с этой женщиной, что бы там кто-то ни думал.

Уэстон огляделся по сторонам: ничто вокруг уже не напоминало ему те места, в которых он проводил лето со своей двоюродной бабушкой. Там, где прежде высились лесистые холмы, шумели ивовые рощи, блестел на солнце пруд с утками и возвышались два почти одинаковых дома в викторианском стиле эпохи королевы Анны, теперь темнели заасфальтированные мостовые да печалили глаз ровненькие безлюдные аллеи.

Страсть к королеве Анне вдохновила Хилли на постройку второго дома. Собственно, она надеялась, что ее единственная родственница в лице племянницы – матери Джеффа – будет приезжать сюда летом. Но похоже, Беверли-Чейз-Уэстон Хилли никак не могла вписать в планы своей деловой активности, хотя и была счастлива отправить своего младшего сына к его двоюродной бабушке.

Родители Джеффа всегда вели светскую жизнь. Его отец был крупным финансистом, и супружеская чета проводила летний отдых либо на морском побережье Франции или Испании, либо плескалась в бирюзовой воде новомодных тропических курортов.

У Джеффа Уэстона всегда было такое чувство, что его сослали к Хилли – вроде как отдали на время в гостиницу для животных, домашних любимцев. Джеффу очень нравилось проводить лето у Хилли, однако, несмотря на это, сразу после ее смерти он в первую очередь выставил обожаемый дом на продажу. Второй дом тоже давно был бы продан, если бы не этот idiotский спор о его названии. Может быть, думал Джефф, расставшись с домами, он не так остро будет ощущать горечь утраты близкого человека. Сейчас Уэстон почувствовал такую тяжесть в груди, что ему стало трудно дышать. Он ненавидел это ощущение, а потому не приезжал сюда с тех пор, как Хилли слегла от тяжелой болезни. По этой же причине Уэстон поручил заниматься его собственностью одному из своих людей.

Щурясь от яркого света, Джефф водрузил солнечные очки на пышную шевелюру, которая, выгорев на солнце, превратилась из темно-каштановой в бронзовую. Он оглядел городские улицы, пустые магазины. На той стороне, где Уэстон припарковал машину, была парикмахерская, большой магазин одежды, французская кондитерская с такими темными витринами, что

за ними не было видно товаров, и магазин видеокассет для взрослых. А на углу прилепился маленький магазинчик, торгующий чем-то непонятным.

Посередине, за белым деревянным забором, стоял второй дом Хилли, напоминавший вдову в фамильном жемчуге, которая по ошибке забрела в зал переговоров. Там, за стенами, обшитыми бело-зелеными досками, отгородилась от внешнего мира мисс Эммелина Прайс, которой надо внушить, что ее часы запоздали лет на сто. Потому что дело шло к двадцать первому веку, а не к двадцатому.

– Гретхен? – Джефф наклонился к окну машины, в которой его помощница деловито стучала по клавишам. – Пойдем-ка познакомимся с одной викторианской древностью и покончим с этим делом. Прихвати с собой компьютер, ладно? По закону придется принять факс с контрактом, чтобы мисс Прайс его подписала, а пока мне нужно, чтобы ты продолжала заниматься «Уизард технолоджиз». Макс предсказывает, что цены взлетят до шести десятков, и я не хочу это упустить.

Джефф так воодушевил своего брокера, что тот постоянно заглядывал в личное портфолио Макса и следил за ставками, чтобы набить собственный бумажник. Но пока что Гретхен проявляла себя настоящей кудесницей торговли по Интернету, где убийственные ставки были делом далекого прошлого.

Гретхен выбралась из машины, держа в руках два портативных компьютера – «наколенник» и «наладонник», как их прозвали специалисты, и сотовый телефон. У нее уже была готова для него свежая информация. Джефф избавил Гретхен от компьютера и направился к дому. Вообще-то он знал, что большинство работающих с ним женщин предпочитали носить свой груз в собственных руках, даже если дело касалось довольно тяжелых «дипломатов». Но если его груз легче, то почему бы не предложить помощь? Кстати, он сделал бы то же самое и для мужчины.

Дом начинался с большого старого крыльца, расшатавшегося и скрипучего, с которого кое-где облетела краска, но в остальном все выглядело вполне пристойно. К крыше тянулись всевозможные вьющиеся растения, а на подоконниках теснились пышные малиновые бегонии вперемежку с нежно-голубыми незабудками. Табличка на ручке двери-экрана гласила, что заведение открыто, так что Джефф пропустил Гретхен вперед и зашел в дом следом за ней. Уэстон никак не ожидал оказаться очарованным поистине волшебным миром магазина. Или услышать восторженный вскрик Гретхен. Честно говоря, ему и в голову не приходило, что она способна издавать такие звуки. Обычно ее голос звучал вежливо, но бесстрастно, как у телефонного автоответчика.

– Джефф, ты только посмотри! Какая прелесть! – восторженно воскликнула Гретхен. Она осматривалась по сторонам, будто пыталась охватить взглядом все вокруг – белую плетеную мебель, старинные куклы и чайный сервиз с цветами, тончайшей работы подставки под кружевные «валентинки», перевязанные лентами рамки для картин и вазочки для конфет в форме туфель.

На легком сквознячке повеяло ароматом сирени, а из старинного фонографа доносились звуки клавирина. Но больше всего Гретхен поразила хрустальная оранжерея размером с кукольный домик. Забыв о высоченных каблуках, она опустилась на колени, чтобы заглянуть в скрытые за сверкающим стеклом джунгли, а потом, поднявшись, увидела перед собой шкаф с ящиками, полными тончайших длинных перчаток, а рядом с ними – вешалки со старинными платьями.

– Не верю своим глазам! – обратилась Гретхен к Джеффу. – Какое великолепие!

Великолепие? Джефф скорее сказал бы, что кто-то разгромил ткацкую фабрику, а может, кружевную. Или фабрику по выпуску розовых шелковых сердечек. «Гиннесс, готовь свои книги рекордов», – промелькнуло у него в голове. Даже представить невозможно, что все это барахло можно разместить на территории в несколько сотен квадратных футов. Уэстон был

убежден, что все это ненормально. Ему доводилось слышать об опытах над заключенными, которых закрывали в розовых комнатах. В результате их бурная умственная деятельность уменьшилась, но вот интимные части их организма переставали функционировать совсем. Джефф сжал руки в кулаки, проверяя силу своей хватки. Где Гретхен, черт возьми? Откуда-то слышались ее «охи» и «ахи», но ее самой не было видно. Джеффу хотелось, чтобы помощница напомнила ему проверить уровень тестостерона, когда они вернутся.

А кстати, где же сама мисс Прайс? Где вообще кто-нибудь?

Уэстон шагнул вперед и едва не задел головой свисавшую с потолка клетку для птиц. Никаких признаков жизни в этой лавочке! Но кто-то должен заботиться о птицах? Кованые железные клетки с ними стояли на полу, висели на потолке, теснились на каминной полке. Словом, клетки были повсюду. Из металлических кружев. И в них щебетали десятки птиц. Спаси его, Господи, от мигрени!

Тут Джефф заметил прилавок со старинным кассовым аппаратом и серебряным дверным колокольчиком. На витрине лежало несколько открыток, похожих на ранние фотографии дома в его перевозданном виде – до того, как пруд с утками был осушен и все вокруг превратилось в нынешний бардак. Взяв одну из открыток, Джефф стал внимательно рассматривать ее. Сердце у него защемило, он вернул было карточку на прилавок, но, подумав, сунул ее в карман. А затем позвонил несколько раз серебряным колокольчиком, но его мелодичное «динь-динь» осталось без ответа.

Уэстон огляделся по сторонам и только сейчас заметил высокие стеклянные двери, выходящие во внутренний дворик – патио. В этот момент Джефф Уэстон, как никто другой, нуждался в глотке свежего воздуха. Патио было таким же очаровательным, как и гостиная. Правда, его убранство, напоминавшее убранство бельведера, обошлось без избытка розового, зато там было множество всевозможных милых вещиц. «Что ж, – подумалось Джеффу, – может, это и кстати». Были, например, в патио скамейка и стол из розового дерева. На скамейку они смогут присесть, а за столом – что еще важнее – можно подписать контракт.

Джефф встал возле оплетенной вьющимися розами решетки, приходя в себя на бодрящем сквозняке. Вдруг из дома вышла женщина с большим чайным подносом в руках. Незнакомка появилась из той же двери, в которую в патио вошел Уэстон, однако она явно лучше его ориентировалась в помещении, и по ее одежде Джефф заключил, что это и есть сама хозяйка.

Женщина накрыла стол вышитой белой скатертью, в центр поставила вазу с цветами и принялась расставлять посуду. Джефф ощутил дивный аромат цейлонского имбиря и абрикосов. Одна из принадлежавших ему холдинговых компаний занималась импортом чая.

«Пожалуй, со склада сюда следует привезти ящик хорошего чая, пока мы тут», – подумалось Уэстону, и он поискал глазами Гретхен. Он не мог припомнить, чтобы ассистентка, работавшая у него уже год, пришла в такое волнение. Впрочем, помощницу, должно быть, похитили, потому что ее нигде не было видно. Озадаченный этим, Уэстон решил обратить внимание на свой главный объект.

Рыжеватые волосы безупречной мисс Прайс были убраны в такую прическу, какие давным-давно никто не носил. «Кажется, это называется пучок», – вспомнил Джефф Уэстон. Немыслимое розовое платье мисс Прайс было застегнуто на бессчетное количество пуговиц. Оно словно кричало о скромности и старомодной добродетели его владелицы.

Уэстон не видел ее лица, но ему был прекрасно известен этот тип женщин. По словам его людей, ей еще не было тридцати, однако он не будет удивлен, если окажется, что она выглядит гораздо старше своих лет. С тонкими, узкими губами, с морщинками вокруг глаз, эта дама с неодобрением относилась ко всему, что не соответствовало ее принципам. Надменная и высокомерная. Да-да, ему известен этот тип. Такие едва переносят мужчин вроде него. Джефф Уэстон ничуть не сомневался, что Барбара Уолтере, спроси он ее, что за фрукт эта мисс Прайс, нарекла бы ее единственным словом – зануда.

Джефф одернул полы пиджака-блейзера и поправил воротник рубашки. Даже если бы у него был специальный пиджак для утренних приемов, он все равно не смог бы угодить мисс Прайс. Однако черный блейзер, белоснежная рубашка и джинсы были обычной одеждой Джеффа Уэстона, если не считать единичных случаев, когда ему приходилось надевать костюм в тонкую полоску или смокинг.

Гретхен заранее назначила встречу, так что мисс Прайс должна была ждать его. И поскольку ему необходимо покончить с делами и выместись отсюда не позже чем через час, Джефф не видел причин не представиться хозяйке и не покончить с формальностями. Правда, при этом он не заметил жестяной банки с водой под ногами. Грохот, раздавшийся после того, как он задел за нее, больше всего походил на выстрел. Мисс Прайс резко обернулась и заметила незнакомого мужчину в своем патио. Ее хрупкие плечи как-то сразу поникли, а с приоткрывшихся губ сорвался крик.

«Господи, да она же испугалась, – понял Уэстон. – Перепуганная олениха». Взгляд огромных карих глаз заставил Джеффа лихорадочно обдумывать, что бы такое сделать, чтобы она почувствовала себя в безопасности. Между прочим, в лице ее не было и намека на высокомерие. Шок. Абсолютный шок – вот что он успел разглядеть. Что-то подсказало Уэстону, что хозяйка дома не впервые так пугается при виде мужчины.

Джефф поднял руки вверх в знак того, что не собирается прятаться и не держит в руках оружия.

– Извините, – проговорил он, глядя ей в глаза. – Я не хотел напугать вас.

– Кто вы такой? – едва слышно пролепетала она.

Вместо ответа Уэстон быстро подошел к столу и отодвинул стул. Он сильно напугал ее, поверг в шок, а ему не хотелось, чтобы их встреча начиналась с подозрения или недоверия.

– Почему бы вам не присесть и не перевести дыхание? – предложил он. – А я налью вам чаю.

Мисс Прайс ухватилась рукой за спинку стула, чтобы удержаться на ногах.

– Прошу вас, сэр, скажите мне, кто вы такой?

– Джефф, – торопливо представился он. – Я Джефф Уэстон из «Эдван дайверсифайд».

– Мистер Уэстон, – кивнула она. – Ну конечно. – Женщина вздохнула и даже заставила себя улыбнуться. Взгляд ее изменился, и она прищурила глаза.

– Я пришел, чтобы обсудить... – начал Уэстон.

– Я знаю, для чего вы пришли, мистер Уэстон.

Элегантным взмахом руки она указала ему на стол, стул и грациозно кивнула. Джефф никак не отреагировал на ее приглашение, и мисс Прайс повторила свои жесты, только еще выразительнее. Темная кудряшка выбилась из ее великолепной шевелюры и упала ей на глаз.

Казалось, она говорит: «Сядь же, тупой болван. Я приготовила все это для тебя».

Джефф заметил, что она чудесным образом переменилась. Мисс Прайс была именно такой, какой он представлял ее себе, только не выглядела старше своих лет и у нее не было морщин. Она была высокомерной, надменной, явно не одобряла его, но в то же время оказалась самым соблазнительным существом, которое когда-либо приглашало его на чай. Или еще на что-нибудь.

«Однако я тут для дела», – напомнил себе Уэстон. Он не собирался возвращаться домой с пустыми руками.

– Вижу, вы готовились к моему визиту, – проговорил Джефф, – и не думайте, что я не оценил этого. Но может, мы все-таки поговорим за чаем? Времени мало, а нам необходимо обсудить очень важную проблему, согласны?

«Господи, говорю как герой из какой-нибудь „мыльной“ оперы! Слава Богу, хоть внешне отличаюсь от подобных типов. Хотя, возможно, ей такие и нравятся, ведь они жеманны, носят жилеты и вполне подходят под все это розовое безумие».

– Разумеется, я согласна, – отозвалась мисс Прайс. – Поэтому-то нам и стоит выпить чаю, чтобы собраться с мыслями и заниматься этим в хорошем расположении духа.

«Не может этого быть, она не настоящая», – вертелось в голове у Джеффа. Ну кто так разговаривает в наше время? Ему хотелось посоветовать хозяйке принять пару голубеньких пилюль, но, ведя переговоры с представителями иноземных культур, следовало быть корректным и считаться с их социальными обычаями.

Птицы заливались, как певчие в церковном хоре, цветы тянулись к Уэстону головками, он был абсолютно обескуражен розовым шифоновым платьем хозяйки, однако при этом старательно поддерживал заданный ею тон, и никто не смог бы обвинить Джеффа Уэстона в том, что он не вступил в игру.

Как только они уселись за стол, Джефф, сделав обязательный глоток чаю, осторожно приступил к делу.

– Мисс Прайс, – начал он, – могу я быть искренним с вами?

Хозяйка дома очень аккуратно поставила фарфоровую чашку на блюде.

– Можете ли? – переспросила она, сделав ударение на слове «можете». – Посмотрим, мистер Уэстон.

На что это она намекает? На его грамматику или моральные устои? Ему так и хотелось ответить что-нибудь ироничное в тон хозяйке, но не стоило тратить драгоценное время на вежливую чепуху. В аэропорту его ждет личный самолет, а конференц-зал в Лос-Анджелесе полон ожидающих его возвращения. Он должен завершить рейконское объединение. Сегодня.

«Где же Гретхен, черт возьми?!»

– Я не вполне уверен, что правильно понимаю вашу позицию, – промолвил Уэстон, – и мне необходимо выяснить это как можно быстрее. А поскольку именно мне предстоит решать эту проблему, я должен четко определить для себя, чего именно вы хотите.

Мисс Прайс заморгала своими рыжеватыми ресницами – до того длинными, что ими можно было бы смахивать пыль с мебели, – а потом облизнула языком свои губки сердечком.

– Все предельно просто, мистер Уэстон, – спокойно вымолвила мисс Прайс. – Я хочу остаться в своем доме.

Джефф не собирался следовать за ней по извилистой тропинке ее разглагольствований, к тому же у него было более приемлемое решение вопроса о том, как покончить с ее затянувшимся землевладением. И он вежливо сказал:

– Должно быть, в таком месте нелегко вести бизнес. Разве вас не волнует собственная безопасность? Я бы не удивился, узнав, что в этом районе орудуют бандиты.

– Мистер Уэстон, где же вы были раньше? – Мисс Прайс снова захлопала глазами. – Разумеется, здесь орудуют бандиты. Мой помощник был членом одной мафии, и я, между прочим, весьма им горжусь. С тех пор как он начал работать у меня, он возобновил учебу в школе по вечерам.

Джефф попробовал применить иную тактику.

– Мисс Прайс, вы должны довериться мне, – проникновенно произнес он. – Я бы не приехал сюда и не стал ничего обсуждать с вами, если бы не был абсолютно уверен в том, что все только выиграют, если сделка состоится. Разработчик проекта сможет расширить свой промышленный комплекс, город получит зеленую территорию, а вы... – Он сделал эффектную паузу и продолжил: – А вы откроете процветающий бизнес... где-нибудь еще. Где угодно, – многозначительно добавил Уэстон. – Сан-Франциско вас устроит? Или Манхэттен? А может, Беверли-Хиллз?

– Вы предлагаете перевезти мой магазин, мистер Уэстон?

Джефф утвердительно кивнул:

– Ну да. Я также предлагаю удвоить ту сумму, которую вам назвали мои юристы, предлагаю устроить сногшибательное, торжественное открытие магазина и представить вас сливкам общества Лос-Анджелеса или того города, в какой вы захотите поехать.

– Но меня вполне устраивает мое положение, мистер Уэстон, – заметила женщина. – Никак не могу понять, почему бы не сосуществовать мирно всем вместе?

Джефф с трудом подавил судорожный вздох.

– Здесь все будет из стали, стекла и бетона. Но в основном из стали. А ваш магазин... Он такой пестрый...

Мисс Прайс наградила его высокомерным взглядом и деликатным жестом расправила складочки на рукавах.

Джефф уже было собрался отбросить вежливый тон в разговоре с опостылевшей землевладелицей, как вдруг совершенно неожиданно в дверях появилась его ассистентка.

– Ах вот вы где! – с сияющей улыбкой произнесла Гретхен.

– Где ты была? – спросил Уэстон, стараясь скрыть кипевшее в нем раздражение. Сбоку от него лежала подушка в кружевной наволочке, которая всем своим видом как будто предупреждала: «Человек с хорошими манерами должен сдерживать бессмысленное раздражение».

– Прошу прощения. – Гретхен смущенно улыбнулась и пожала плечами. – Видишь ли, я нашла одну шикарную вещь и просто должна была примерить ее.

– Шикарную вещь? – переспросил он.

– Да! Они здесь и одежду продают, – напомнила Гретхен. – Хочешь посмотреть, что я нашла?

– О чем речь, – сухо бросил Уэстон.

Гретхен вошла, и Джефф едва не застонал от досады, увидев на ней корсет, снимок которого не опубликовал бы ни один порядочный журнал мод в своем каталоге. Больше того, корсет был отвратительного красного цвета и такой тесный в талии, что Гретхен едва дышала.

– Ну разве это не прелесть? – спросила помощница Джеффа Уэстона. – Я могла бы носить его со своим черным жакетом в полосочку. Не в офис, разумеется.

Джеффу показалось, что рядом кто-то изумленно фыркнул – мисс Прайс казалась просто шокированной.

– Хорошо хоть ваша помощница оценила мою работу, – заметила хозяйка. – Правда, не думаю, что королеве Виктории могло бы прийти в голову, что кто-то использует ее корсет таким образом.

Гретхен ушла, чтобы переодеться, а Джефф, смутившись, счел необходимым объяснить ее поведение.

– Моя ассистентка очень много работает, – проговорил он, – и обычно очень сдержанна.

– Ничуть не сомневаюсь в том, что вы заставляете ее много работать, – сухо произнесла мисс Прайс. – Думаю, вы вообще ведете себя как рабовладелец.

Откинувшись на спинку стула, хозяйка понимающим ледяным взглядом окинула Уэстона. И тут Джефф догадался, что безупречная мисс Прайс говорит совсем не о той работе, какую имел в виду он. Похоже, перед ним открываются кое-какие перспективы. Возможно, под маской хваленой добродетели скрывается совсем иная женская натура. Его взор скользнул по ее чопорной фигуре. Встретившись глазами с мисс Прайс, Джефф ощутил легкое движение в чреслах, и джинсы вдруг стали ему тесноваты в одном месте.

– Мужчинам нравится, когда их рабы проявляют инициативу, – прошептал он.

– И когда у них хорошие зубы, – мгновенноотреагировала мисс Прайс.

Прервав беседу, в патио ввалилось огромное косматое существо, в джинсы и футболку которого наверняка влезли бы еще несколько человек. «Должно быть, ее помощник», – подумал Джефф.

Хозяйка дома поднялась, чтобы представить гостя.

– Мистер Уэстон, позвольте познакомить вас со Спайком, – проговорила она. – Он помогает мне в магазине, но, кажется, я забыла упомянуть, что Спайк – мой приемный сын. Он замечательный молодой человек.

Джефф кивнул в ответ на невнятное приветственное бормотание «замечательного молодого человека». Стало быть, она еще и бандитов усыновляет?

Не успел Спайк выйти, чтобы занять место у кассового аппарата, как в патио вернулась Гретхен. На этот раз она была одета, но в руках держала две тоненькие книжечки в кожаных переплетах.

– Нет, ты только посмотри, что я еще нашла здесь! – воскликнула она. – Викторианская эротика! Тут целая коллекция! Ты только послушай: «Моя тайная жизнь», «Береза в будуаре». А вот еще – «Мужчина и горничная». Хочешь послушать кусочек? – Гретхен посмотрела на Уэстона с невинной улыбкой.

Джефф отрицательно покачал головой и перевел взгляд на мисс Прайс. Он ожидал, что она растеряется, но, увы, был разочарован. В ее холодных светлых глазах не появилось ни тени смущения. Может, только ресницы слегка дрогнули.

– Коллекция вещей должна объективно и правдиво отображать определенный исторический период, – сообщила она Джеффу. – Сюда среди прочих предметов входят и антикварные книги, равно как мебель, фарфор и хрусталь.

Джефф поймал себя на том, что пытается представить ее тело под всеми этими рюшами и оборками. Интересно, трепетало ли оно когда-нибудь от прикосновения опытной мужской руки, дрожало ли от страсти? Должно быть, на ее платье не меньше сотни пуговиц. У какого мужчины найдется время и хватит терпения их расстегнуть?

Кстати, о времени. Взглянув на часы, Уэстон поднялся со стула.

– Гретхен, ты уже получила факс от юристов? – спросил он. – Я бы хотел, чтобы мисс Прайс на него взглянула.

К счастью, Гретхен уже подготовила документ. Там, где следовало поставить подпись, стояла галочка. «Наконец-то она приходит в чувство», – подумал Джефф. Вероятно, на нее подействовал свежий воздух в патио. Как и на него.

Джефф положил документ на стол перед хозяйкой, достал ручку и указал ей, где надо подписать.

– Что-то не так? – спросил он, заметив, что она задумалась.

Мисс Прайс, вздохнув и нахмурившись, подняла на него помрачневшие глаза.

– Да, – кивнула она. И добавила: – Здесь вообще все не так.

– Как это все? – остолбенел Уэстон. – Вас не устраивает сделка?

– Мистер Уэстон, я буду с вами откровенной. – Она чуть наклонилась вперед, ожидая его реакции. – Так вот, я не намерена заключать сделку с «Эдван дайверсифайд». Ни сегодня, ни завтра, ни когда бы то ни было.

Это был наивысший момент прозрения и понимания истинного положения вещей для Джеффа Уэстона. Он не моргнул, не дернулся, не вздрогнул, его зубы не заклацали и не превратились в пыль, из его ушей не повалил дым. А вот внутри он превратился в машину для китайского бильярда. И маленький серебряный мячик его пульса яростно бился о каждый задевший им уголок.

Джеффа только что вежливо ударили в самое болезненное место. Он бы должен был хватать ртом воздух, но больше всего Уэстону хотелось рассмеяться. Не над хозяйкой дома, а над самим собой, над ситуацией, которую он так глупо недооценивал.

Глава 3

Эммелина Прайс, по обыкновению переходя от окна к окну, опустила шелковые шторы. Это уже стало для нее ритуалом – как пятичасовой чай или музыка после обеда. Розовый закат постепенно темнел, обретая пурпурный оттенок. Приближалась ночь, а вместе с ней и детский страх темноты, который долгие годы не беспокоил ее, но теперь, когда они грозились отнять дом, ее рай, страх вернулся, и она нередко чувствовала себя как ребенок после ночного кошмара.

Этот дивный, старинный викторианский дом был единственным местом, где она когда-либо чувствовала себя в безопасности. Большая часть ее раннего детства прошла в напряженной обстановке постоянно ожидаемых неприятностей и кошмаров, источником которых являлся воспаленный мозг ее душевнобольной матери. Эммелине исполнилось шесть лет, когда бабушка смогла наконец-то отправить свою дочь на лечение, а внучку забрать к себе, в этот дом. Лишь в шесть лет Эммелина узнала, что такое безопасность, что такое любовь.

Совсем скоро задняя гостиная, которую она предпочла бы называть музыкальной комнатой, согреется и осветится мягким светом каминного пламени, а она сядет за инструмент и будет играть пьесу, которая одновременно и взбодрит и успокоит ее. Возможно, сегодня вечером это будет пьеса Шуберта.

– Эй, Эммелина!

– Потыше, Спайк, – попросила она парня, который с грохотом ввалился в комнату из кухни, где наводил порядок после обеда. Это была одна из его домашних обязанностей.

– Но я же ничего не разбил сегодня, – с ухмылкой заметил он.

Эммелина опустила последнюю штору и улыбнулась своему воспитаннику.

– Должно быть, у фарфора по этому поводу праздник, – пошутила она.

Спайк торжественно поднял вверх большие пальцы рук, а серьга в его ухе, казалось, подмигнула Эммелине. «Интересно, – спросила она себя, – что Джефф Уэстон подумал о мальчишке, о его местами выбритой голове и о мешковатых джинсах, которые Спайк не снимал ни днем, ни ночью?»

Четыре года назад Эммелина ввязалась в настоящую уличную драку. Спайк тогда был тощим подростком с ломающимся голосом, на которого напала группа уличных хулиганов, и Эммелина, прогнав их шлангом, выручила его из беды.

Оказалось, что Спайк сбежал из дома, потому что родители им совершенно не интересовались. Узнав об этом, Эммелина Прайс прошла все инстанции для того, чтобы усыновить мальчишку, и испытывала невероятную гордость за перемены, произошедшие в Спайке. Теперь он был уже шести футов трех дюймов росту и мог защитить себя сам.

– Я хотела поиграть. – Эммелина подошла к старинному спинету² и стянула с него покрывало из серебристого шелка с плетеными кружевами по краям – одно из самых больших своих сокровищ.

– Я бы послушал Моцарта, – заявил Спайк.

Спайк действовал на нее умиротворяюще. Благодаря ему она научилась беззаботно смеяться. Казалось, он единственный знал настоящую Эммелину – напуганного ребенка, который цеплялся за правила и традиции прошлого века, потому что они сохраняли ощущение безопасности, помогали выстоять в трудные минуты.

– Как насчет «Маленькой ночной серенады»? – предложила Эммелина, зная, что Спайк любит эту мелодию.

– Валяй, сбациай, – кивнул Спайк.

² Музыкальный инструмент.

Эммелина села и устроила настоящее шоу, разыгрывая пальцы. Вообще-то Спайка трудно было чем-либо удивить, однако Эммелина была в редком настроении сегодня – возможно, из-за того, что сумела настоять на своем и ощущала удивительный прилив сил. Когда ее руки опустились на клавиатуру инструмента, казалось, что из них так и льется энергия. Пальцы бегали по клавишам с удивительным проворством, словно хотели заставить ее забыть обо всех проблемах.

Закончив игру, женщина, улыбнувшись, встала со стула и игриво поклонилась. Спайк во второй раз поднял вверх большие пальцы в знак одобрения.

– Что ты подумал о нашем сегодняшнем госте? – поинтересовалась она. – О мистере Уэстоне.

– Это же элементарно, – Спайк пожал плечами, – думаю, он к тебе клеится.

– Господи сохрани! – воскликнула мисс Прайс. – С чего это ты взял?

– Да я же видел, как он глазел на тебя, – объяснил Спайк, – ему явно хотелось расстегнуть все твои пуговицы.

– Мои... пуговицы?.. – Эммелина нервно проверила застежку на платье. Интересно, как это мальчик сумел прийти к такому выводу. Подумать только, пареньку пришло в голову, что мистера Уэстона интересовало что-то помимо ее собственности!

Эммелина вдруг ощутила, что жемчужные пуговицы были прохладными, гладкими и круглыми на ощупь. Нет, она не стала бы говорить, что они... чувственные... это слишком глупое сравнение. И предположение Спайка нелепо, Эммелина ничего подобного не заметила. Уэстон приехал для того, чтобы заключить сделку.

– Нет, он никогда не обратил бы внимания на женщину вроде меня, – произнесла Эммелина.

А она никогда не обратила бы внимания на мужчину вроде Джеффа Уэстона! Он весь на поверхности, в нем нет глубины. Достаточно взглянуть на его ассистентку – настоящую секс-бомбу с сотовым телефоном в руках – и на его красный автомобиль!

После этих рассуждений Эммелина почувствовала себя немного лучше. Однако по непонятной причине ей было нелегко водрузить покрывало на прежнее место. Почему-то оно постоянно падало, когда женщина пыталась расправить его. Наконец Спайк пришел ей на помощь: он взял один край покрывала, а Эммелина другой, и вместе они разложили его на инструменте. Но понимающая ухмылка на лице воспитанника раздражала мисс Прайс.

– Вовсе он ко мне не клеится, – заявила Эммелина, тряхнув головой, – а если он рискнет еще хоть раз ступить на порог моего дома, я... – Она вовремя остановилась, чтобы не произнести лишних слов в присутствии юного и впечатлительного мальчика.

– Ты всегда можешь отходить его шлангом, – усмехнувшись, подсказал Спайк.

– Она в моих руках, – прошептал Джефф, не веря своей удаче. – Черт возьми, она в моих руках! Она моя!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.